

УДК 340

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-161-116-123

И. Б. Ломакина

Университет прокуратуры Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
lomakina7311@gmail.com

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Малышева Н. И., Трощинский П. В. Право Китайской Народной Республики: теоретико-правовой аспект: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2022. 197 с.

UDC 340

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-161-116-123

I. B. Lomakina

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russian Federation,
lomakina7311@gmail.com

BOOK REVIEW:

Malysheva N. I., Troshchinsky P. V. The Law of the People's Republic of China: Theoretical and Legal Aspect: Training Manual. SPb.: Publishibg House of St. Peterburg University, 2022. 197 p.

В наше время цивилизационных противоречий и прокси-войн (по терминологии американского социолога и политолога, известного специалиста в этой сфере Карла Вольфганга Дойча) происходят сложные геополитические процессы, в которых гегемония коллективного Запада сталкивается с противоборствующими силами в лице других глобальных игроков, чей цивилизационный вектор развития не совпадает с западным и во многом является его противоположностью. Речь идет о китайской цивилизации. Генри Киссинджер остроумно заметил в своем фундаментальном труде «О Китае», вышедшем многомиллионными тиражами и переведенным на более чем 30 языков мира: «За тысячелетия существования китайской цивилизации Китаю никогда не приходилось иметь дела с другими странами или цивилизациями, сравнимыми с ним по своим масштабам и совершенству» [1, с. 23]. Автор не без горечи заявляет о современных институциональных возможностях Китая в политической, экономической, социальной, культурной, духовной сферах [1, с. 23]. Признавая мощный государственный потенциал Китая, Киссинджер, по сути, поставил жирный крест на всей европоцентристской литературе, написанной до него.

Таким образом, все «смертные грехи» вместе с «неизлечимыми болезнями» Востока были поставлены под сомнение. Парадокс заключается в том, что сам Киссинджер был далек от сочувствия коммунистическим режимам. Напротив, вся его деятельность была направлена на их свержение. Поэтому подобная риторика в устах крупнейшего западного государственного деятеля показывает, что настало время для нового интеллектуального поворота, который все настоятельнее требует другой интерпретации старых терминов, уже не отражающих реалий сегодняшнего дня. Авторитаризм, тоталитаризм и демократия, право и неправое (в либеральном прочтении — произвол), свобода и несвобода (в либеральном прочтении — коммунистическое рабство) — все это требует реформирования, а, возможно, и этого будет недостаточно, и тогда потребуются полный понятийно-категориальный апгрейд.

Таким образом, ориентализм, объясняющий Восток западными терминами, уже не является мейнстримом в политико-правовом дискурсе. Эра негативных оценок и прогнозов по поводу Востока заканчивается, и представленное на рецензирование учебное пособие — яркое тому подтверждение.

Учебное пособие является первым в своем роде в отечественной юридической и синологической науках. Авторы — известные специалисты в китайском праве и общей теории права. Это Павел Владимирович Трощинский — руководитель Центра политических исследований и прогнозов института Китая и современной Азии РАН, имеющий давнюю безупречную научную репутацию в сфере исследований традиционного и современного права Китая, и Наталия Ивановна Малышева, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, которая с первого года реализации новаторской образовательной программы СПбГУ «Юриспруденция (с углубленным изучением китайского языка и права КНР)» преподает будущим юристам-китаистам учебную дисциплину «Теория государства и права».

Для авторов учебного пособия очевидно, что без серьезного теоретического фундамента невозможно говорить о глубине и достоверности исследования современного права КНР. Ведь хорошо известно, что для будущих юристов теория государства и права играет роль теоретического введения в изучение отраслевых юридических наук, выступая для них методологической базой. Поэтому очень важно, что студенты знакомятся не просто с правовой традицией, насчитывающей не одно тысячелетие в своем развитии, но с традицией, не утратившей свой потенциал, являющей миру одновременно чудеса экономического роста и коммунистическую административно-хозяйственную систему вкуче со стержнеобразующей конфуцианской моралью [3, с. 142].

Таким образом, знакомство с общими принципами китайского права не просто расширяет кругозор студентов, но и в целом меняет их представление о функционировании государства и права в условиях неевропейской системы координат. Читателю больше не надо смотреть на китайское право через призму ориентализма, клеймить его как потестарное, используя риторику либертарианцев (В. А. Четвернина); больше нет смысла отказывать ему в развитии лишь на том основании, что у власти стоит коммунистическая партия, а ее решения имеют архиважное значение для конструирования правовой реальности.

Поэтому знание общих принципов правоустановления, а также функционирования и действия права, типов, методов правового регулирования и правовой культуры в целом, вписывающихся в правовую традицию Китая, актуализирует ряд задач, которые вполне успешно решаются в пособии.

Последовательность изложения материала в книге обусловлена логикой изучения права КНР в теоретико-правовом аспекте, поэтому вполне обоснованно, что пособие открывается главой, посвященной юридической науке и теории права в Китае [7, с. 8–13]. Наиболее пристальное внимание уделено развитию китайской юридической науки с 1949 г. по настоящее время. Отметив вклад советских юристов в дело становления и развития права КНР, авторы утверждают, что сегодня китайские ученые-правоведы комплексно изучают собственное традиционное (древнее) право, национальное право зарубежных стран и право международных организаций, а реализуемая в современном Китае доктрина управления государством на основе закона требует наличия большого количества высококвалифицированных юридических кадров.

Стоит добавить, что интерес китайских правоведов также связан и с взаимовыгодным сотрудничеством во всех сферах жизни двух государств, тем более что в цивилизационном отношении Китай и Россия не так уж далеки, как кажется на первый взгляд. Видимо, поэтому многие видные ориенталисты, такие как К. Витфогель, Р. Пайпс, К. Поппер, З. Бжезинский и др., ставили оба государства в один ряд.

Весьма важной составляющей учебного пособия является раздел о типах правопонимания. Авторы напоминают о том, что присущие западной традиции правовые концепции нельзя автоматически применить к исследованию понимания права в Китае, поскольку китайская правовая традиция уникальна.

Утверждение, с которым трудно не согласиться. Ведь право рассматривается китайцами не просто как система норм, исходящих от государства и выраженных прежде всего в нормативных правовых актах (позитивистское понимание права), но и как форма общественного сознания, выражающаяся в представлениях о том, что морально, а что нет. Как отмечается в книге, для китайского правопонимания характерен приоритет морали над правом.

В разные периоды развития китайской государственности именно мораль стояла в авангарде правовой традиции, и совсем неважно, какой она была по форме и содержанию — даосской, буддистской, конфуцианской или коммунистической. Однозначно, что она всегда задавала вектор правовой эволюции, свидетельством тому выступает факт, что, несмотря на маоистские «культурные» реформы, конфуцианство сохранило свое значение в сфере повседневности. Как выяснилось позже, не чужда эта мораль была и для правящей элиты. Поэтому движение хунвейбинов оказалось попросту незрелым и они не стали оплотом компартии, как комсомольцы в СССР, а превратились в движение мародеров, закончивших свой воинствующий путь в свинарниках. Интересный факт: часть китайской стены, разрушенной хунвейбинами для постройки свинарников, стала их оплотом в сельском хозяйстве, куда уцелевшие члены молодежного движения были отправлены по заданию партии.

Рассматривая далее сущностные черты китайского права, авторы совершенно правильно отмечают его коллективистский (холистический) характер. Поэтому идея верховенства общего над частным породила конструкции, в которых индивид не стал абсолютным носителем субъективных прав, а отсутствие формального равенства среди коммуникантов лишь усугубило причастность к общей судьбе. «Нос соседа» продолжал тревожить общество, поскольку коллективная ответственность и круговая порука повсеместно создавали почти родственную замиренность [4, с. 24]. Этим обстоятельством объясняется тот факт, что достаточно долгое время в Китае не существовало индивидуализированного субъекта права. Даже в недавно принятом Гражданском кодексе КНР (1 января 2021 г.) в ст. 1 постулируется верховенство общего над частным. П. В. Трощинский отмечает: «Идея принятия кодекса полностью совпадает с необходимостью следования защиты гражданско-правовых отношений, поддержания общественного и экономического строя, в соответствии с потребностями развития социализма с китайской спецификой, утверждения ключевых ценностей социализма» [8, с. 58].

Таким образом, в отличие от западных индивидуалистических версий права, китайские репрезентации увязывались с коллективной ответственностью и долгом как конституирующей скрепой всей правовой жизни. Поэтому практически все китайские доктрины, а позже и марксизм, инкорпорированный из советской культуры, не признавали естественное право, видя в нем «выдумки юристов» [4, с. 23]. Нам представляется, что концепт естественного права в пособии должен использоваться при осмыслении права Китайской Народной Республики как минимум с оговорками, поскольку исходные предпосылки и сущностное

наполнение с точки зрения его функциональной нагрузки и значения для китайской правовой традиции совсем иные, нежели в его западных версиях.

Далее стоит отметить, что авторы особое внимание уделяют правовой культуре и правосознанию. Н. И. Малышева и П. В. Трошинский, с ссылкой на китайских юристов, полагают, что в современной китайской правовой культуре сосуществуют три различные составляющие: «традиционная правовая культура, западная правовая культура и социалистическая правовая культура, в значительной степени воспринятая из Советского Союза. При этом традиционная правовая культура является первичной, тогда как две других — рецепированными, имеющими черты как сходства, так и различия» [7, с. 22]. Представляется важным, что авторы не выносят априорных оценок об уровне правовой культуры Китая. Признавая за правовой культурой право на самостоятельное существование, они фактически актуализируют ее значение для развития мировой цивилизации. Поэтому если европейская традиция апеллирует к индивиду и к институтам гражданского общества, то китайская традиция апеллирует к коллективу и государству как ценностям более высокого порядка.

В ранее опубликованной нами статье утверждалось, что восточная государственность, базирующаяся на азиатском способе производства и авторитарном правлении бюрократии, изначально имела аутентичные предпосылки для формирования особого типа государства, не рабовладельческого и не феодального в европейском смысле. В этом государстве не родовая знать, а бюрократия была главным мобилизирующим началом во всех сферах жизни общества [5, с. 22], а подтверждением этому служит, казалось бы, малозначительный, но очень показательный факт, который приводит известный российский востоковед В. М. Рыбаков в своей статье: «Даже императорские наложницы для тогдашних китайцев были не более чем “внутренними чиновницами” (нэй гуань), и такие названия, как знаменитое (благодаря возлюбленной императора Сюань-цзуна, носившей фамилию Ян) “драгоценная подруга” (гуй фэй) или, скажем, менее известное “благоверная” (пинь) являлись всего лишь обычными наименованиями должностей»¹.

Следует также отметить, что особое внимание авторы пособия уделяют доктринальной основе социалистического права как стержню современной китайской правовой традиции, причем не маоистской, а дэнсянпиньской версии, сочетающей в своей основе конфуцианский традиционализм и социалистическую модернизацию с элементами включения в нее рыночных механизмов хозяйствования. В этой связи представляют исследовательский интерес извлечения из партийных документов на страницах пособия. Так, в отчетном докладе Центрального комитета (ЦК) КПК на XVIII съезде в 2012 г. впервые был официально представлен набор «социалистических сердцевинных ценностных воззрений», характеризующих духовные ориентиры современного

¹ Рыбаков В. М. О передаче на русский язык названий некоторых китайских дворцовых должностей периода Тан (618–907) // Петербургское востоковедение: альманах: Festschrift в честь М. Е. Кравцовой. СПб., 2023. С. 222–237.

китайского государства и общества: богатство и сила (фуцян), демократия (миньчжу), цивилизованность (вэньмин), гармония (хэсе); свобода (цзыю), равенство (пиндэн), справедливость (гунч жэн), власть закона (фачжи); патриотизм (айго), преданность своему делу (цзинье), честность (чэнсинь), дружба и доброта (юшань).

Ссылаясь на Си Цзиньпина, авторы показывают специфику китайского права, которую необходимо учитывать при изучении правовых реалий: «1) У каждой страны и у каждой нации разные исторические традиции, культурное наследие, базовая национальная специфика, поэтому путь развития обязательно отличается собственной спецификой. 2) Китайская культура вобрала в себя самые глубокие духовные поиски китайской нации — это неустанное порождение жизни китайской нации, развитие ее широкого добросердечия (фэн хоу цышань). 3) Лучшая китайская традиционная культура является выдающимся преимуществом китайской нации. 4) Социализм с китайской спецификой укоренен в плодородной почве китайской культуры, отражает желания китайского народа, соответствует требованиям Китая и эпохи развития и прогресса, имеет глубокие исторические истоки и обладает широкой реальной основой. <...> На официальном уровне выдвинуты призывы к воспитанию у китайцев высокого уровня культурного самосознания (вэньхуа цзыцзюэ) и уверенности в собственной культуре (вэньхуа цзысинь). Сегодня в Китае на первое место вышел вопрос о продвижении собственных достижений во внешний мир» [7, с. 19–20].

Действительно уникальный синтез марксизма с конфуцианской интеллектуальной традицией показал всему миру плодотворный «брачный союз» [4, с. 25], базирующийся на идее верховенства общественного над личным и верховенства государства в его партократической версии.

Рассматривая современную форму китайского государства с точки зрения его цивилизационного развития, авторы пособия подчеркивают его сложность и уникальность, несводимость к универсальным моделям. Поэтому не навешивая либеральную мишуру на его стержень, признавая авторитаризм как позитивную сущность китайской публичности, Н. И. Малышева и П. В. Трощинский переходят к характеристике догмы права, которой в книге уделяется большое значение. Более половины текста пособия посвящено характеристике норм материального и процессуального права. Несомненно, что знакомство наших студентов, аспирантов и преподавателей с выдержками из китайского законодательства расширяет их горизонт понимания права во всем многообразии его социокультурных форм.

Любопытным моментом изложения китайского права является лингвокультуральный и художественный анализ текстов литературных произведений, изящно вставленных в главу по китайской правовой культуре и правосознанию. Указанный прием хорошо известен в рамках такого направления, как право в литературе, исследующего правовую тематику в литературных произведениях. В данном случае использована фабула романа Лю Чжэньюня «Я не Пань Цзиньлянь» [6], в котором главная героиня занята поисками справедливости в праве.

Завершает пособие глава, подводящая итоги исследованию правовой системы КНР в теоретико-правовом аспекте. Обращается внимание на то, что правовая система КНР включает не только право континентального Китая, но и право возвращенных в 1997 и 1999 гг. особых административных районов (ОАР) Сянган (Гонконг) и Аомэнь (Макао). Таким образом, право Гонконга и право Макао вместе с социалистическим правом КНР создают неповторимый ансамбль, характеризующийся правовым эклектизмом и успешно функционирующий уже многие годы. Концепция «одно государство, две системы» предполагает существование единого унитарного государства со смешанными системами внутри него. Налицо фактическая конвергенция двух противоположных по существу социалистической и капиталистической систем, осуществляемая под руководством КПК при сохранении территориального единства государства для достижения сугубо прагматических целей.

В целом солидаризируясь с позицией авторов пособия на предмет понимания китайского права и его сущности, отметим, что выход в свет подобной работы — это действительно важная веха в преподавании теории и истории государства и права, а также сравнительного правоведения, поскольку рецензируемое учебное пособие обнаруживает новаторский характер. В нем впервые осуществлена попытка уйти от европоцентристских клише и негативных оценок восточной государственности и права. Это первое учебное издание, которое в рамках образовательного процесса подготовки будущих юристов со знанием китайского языка и права КНР знакомит широкую аудиторию с особенностями китайской правовой традиции, показывая многообразие социокультурных форм. В завершение следует поздравить авторов и читателей с выходом замечательной работы, достойной вдумчивого прочтения.

Вышеизложенное дает основание полагать, что ориенталистские мифологемы и идеологемы о «внеисторичности» Китая и его «деспотическом характере» при отсутствии права, растиражированные в свое время, пересматриваются, а управленческий потенциал Китайского государства заслуживает внимания, и это, несомненно, шаг вперед к многополярному миру.

Список источников

1. Киссинджер Г. А. О Китае. М.: АСТ, 2017. 635 с.
2. Ломакина И. Б. Конструктивистская антрополого-правовая концепция правопорядка // Правопорядок: элементы общей теории / под общ. ред. М. А. Беляева, В. В. Денисенко, А. И. Клименко. М.: Проспект, 2020. С. 63–79.
3. Ломакина И. Б. Ориенталистская традиция в политико-правовых дискурсивных практиках // Криминалист. 2024. № 1 (46). С. 141–146.
4. Ломакина И. Б. Политико-правовая традиция Востока: проблема понимания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (89). С. 17–25.
5. Ломакина И. Б. Понимание восточной государственности в агро-гидравлической концепции К. А. Виттфогеля // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2023. № 2 (50). С. 31–43.

6. Лю Чжэньюнь. Я не Пань Цзиньлянь / пер. с кит. О. П. Родионовой. СПб.: Гиперион, 2015. 286 с.

7. Малышева Н. И., Трощинский П. В. Право Китайской Народной Республики: теоретико-правовой аспект: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2022. 197 с.

8. Трощинский П. В. Кодификация гражданского законодательства Китая // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 2. С. 56–68.

References

1. Kissindzher G. A. O Kitae. M.: AST, 2017. 635 s.

2. Lomakina I. B. Konstruktivistiskaya antropologo-pravovaya kontseptsiya pravoporyadka // Pravoporyadok: elementy obshej teorii / pod obsh. red. M. A. Belyaeva, V. V. Denisenko, A. I. Klimenko. M.: Prospekt, 2020. S. 63–79.

3. Lomakina I. B. Orientalistskaya traditsiya v politiko-pravovyh diskursivnyh praktikah // Kriminalist. 2024. № 1 (46). S. 141–146.

4. Lomakina I. B. Politiko-pravovaya traditsiya Vostoka: problema ponimaniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 1 (89). S. 17–25.

5. Lomakina I. B. Ponimanie vostochnoj gosudarstvennosti v agro-gidravlicheskoj konceptsii K. A. Vittfogelya // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2023. № 2 (50). С. 31–43.

6. Lyu Chzheln`yun`. Ya ne Pan` Czin`lyan` / per. s kит. О. P. Rodionovoj. SPb.: Giperion, 2015. 286 s.

7. Malysheva N. I., Troshhinskij P. V. Pravo Kitajskoj Narodnoj Respubliki: teoretiko-pravovoj aspekt: ucheb. posobie. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2022. 197 s.

8. Troshchinskij P. V. Kodifikatsiya grazhdanskogo zakonodatel`stva Kitaya // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya. 2021. Т. 17. № 2. S. 56–68.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2025;
одобрена после рецензирования: 18.10.2025;
принята к публикации: 05.11.2025.

The article was submitted: 18.09.2025;
approved after reviewing: 18.10.2025;
accepted for publication: 05.11.2025.